

XVII

1917: ОТВЕРГНУТЫЙ ПРОРОК

Мировая война стала непосильным испытанием для политического и социального строя России. Если бы Россия прожила в условиях мира еще несколько после 1905 года, реформы, проведенные по следам революции, вполне могли выполнить свою задачу. Но стране не было дано времени, чтобы испытать справедливость такой гипотезы. Царский режим вел рискованную внешнюю политику, которая не учитывала требования внутреннего развития, и столкнулся с конфликтом, ставшим для него катастрофическим.

Некомпетентность царского правительства в вопросах внешней политики равнялась только его неспособности решить проблемы, вызванные войной¹. В самом начале военных действий большая часть оппозиции сплотилась вокруг правительства, а крестьяне, хотя бы и пассивно, соглашались с тем, что жертвы необходимы. Но вследствие военной и административной бездарности царизма, этот медовый месяц оказался кратким. В 1915 году различные слои населения вновь перешли в оппозицию к правящему режиму, число их росло, и сдерживать их становилось все труднее. К началу 1917 года окраины территории России оказались оккупированными, и моральный дух солдат пошатнулся. Ситуация в тылу была немногим лучше. Крестьяне бурно негодовали по поводу нескончаемых призывов в действующую армию. Не менее энергично протестовали они в связи с установлением фиксированных цен на сельскохозяйственную, но не промышленную продукцию, и отвечали тем, что не выпускали зерно на рынок. Когда правительство арестовало зерно, крестьяне ответили еще большим возмущением. В городе население страдало от недоедания и резкого повышения цен. Доведенный до отчаяния, русский народ, наконец, взбунтовался. В феврале 1917 года не желавшие воевать солдаты отказались подавлять антиправительственные демонстрации голодных рабочих. Так дискредитировавший себя режим пал².

В некотором смысле, свержение старого режима еще более обострило нерешенные проблемы России. Практически за революцией

последовал распад старого правящего аппарата и полный развал дисциплины в войсках. Когда исчезли освященные временем ограничения, народ, в котором дисциплина всегда насаждалась сверху, вышел из-под контроля. Новое Временное правительство не могло восстановить порядок силой, да и в любом случае о такой политике не могло быть и речи. Как никогда прежде в российской истории, ни одна из социальных групп не могла долго удерживать бразды правления, если была не в состоянии удовлетворить настойчивые требования народа.

В то же время, эти требования становились все радикальнее. С исчезновением репрессивной машины старого порядка массы России все более стали склоняться влево в поисках не только компенсации за бедствия войны, но и ради осуществления давних надежд. Первое и самое настойчивое требование относилось к окончанию войны, но жаждущих земли крестьян невозможно было долго удерживать от захвата дворянских владений, а городских рабочих — от взыскания значительных уступок у хозяев. После свержения царского строя резко изменилась не только политическая система, но и классовые отношения и права собственности.

Непосредственно после Февральской революции сформировались две соперничающие политические власти: Временное правительство, образованное умеренно-либеральными элементами из числа помещиков, промышленников и лиц свободных профессий; и ряд народных Советов, учрежденных радикальными политиками и партиями как в Петрограде, так и по всей стране. Советы, избранные рабочими и солдатами, а в сельских местностях — крестьянами, стали центрами взаимодействия между массами и радикальными партиями. Они были сильны поддержкой масс, пользовались доверием в армии и имели огромную власть по сравнению с Временным правительством. Но из первых порах руководители Советов отказывались ею пользоваться, или, вернее, пользовались очень осторожно. Меньшевики и социалисты-революционеры, понапалу преобладавшие в Советах, не доверяли Временному правительству, но не хотели смешать его и делать Советы единственным центром политической власти. Они предпочитали рассматривать Советы как органы давления и намеревались навязать Временному правительству программу демократической и социальной реформы.

Советы и предпринимавшаяся ими политика являлись своеобразным проявлением движения сравнительно отсталой России, все еще находившейся под властью самодержавия, к Западной цивилизации,

одним из следствий чего стало образование социалистических партий. Падение старого политического порядка непременно должно было привести к возникновению самостоятельных организаций народных масс. Тем не менее, с точки зрения революционеров, социально-экономическая отсталость страны исключала возможность немедленного перехода к социализму. Поэтому Советы были вынуждены действовать в социальном пространстве между буржуазно-либеральным и социалистическим строем; оказывать нажим с целью удовлетворения требований народа, совместимых с буржуазным обществом, но при этом не стремиться взять легко доступную власть в качестве прелюдии к провозглашению социалистического порядка.

В связи с этим, лидеры умеренных социалистов в Советах оказались перед дилеммой. Будучи представителями масс, они были обязаны откликаться на её потребности. Но они сознавали и границы, далее которых невозможно было оказывать давление на Временное правительство, чтобы не нарушить непрочное равновесие этих двух политических властей. Если дать волю массам, они выдворят либеральные и консервативные элементы и вынудят собственных вождей взять власть «преждевременно». С другой стороны, если умеренные будут настаивать на осторожности, они рискуют тем, что их последователи перейдут к большевикам, которые после возвращения Ленина были настроены на смешение Временного правительства. Фактически под давлением народа в течение 1917 года умеренные социалисты были вынуждены войти во Временное правительство и принять министерские посты, а также поддерживать все более радикальную политику правительства. В результате, многочисленные либеральные и консервативные элементы перестали поддерживать Временное правительство, а некоторые оказали содействие в организации военного переворота генерала Л. Г. Корнилова. Но, оттолкнув от себя эти силы, умеренные социалисты, получившие большинство мест в правительстве после народных волнений в апреле и июле 1917 года, сумели удовлетворить массы не более, чем первая правительственные коалиция. За исключением небольшого периода, после так называемых июльских событий, народ все более подпадал под влияние большевиков. Кульминация наступила в октябре, когда власть перешла к ленинской партии.

Хотя большевики считали себя пролетарской партией, не поддержка рабочего класса определила их победу в 1917 году. Конечно, рабочие жаждали улучшить свою жизнь. Но они уже добились сущест-

венных завоеваний, например, восьмичасового рабочего дня, задолго до прихода большевиков к власти. После возвращения Ленина в Россию в апреле 1917 года большевики агитировали пролетариат требовать немедленного перехода к социализму, был проведен захват ряда фабрик. Но решающими факторами оказались война и аграрный вопрос. Если бы Временное правительство, сформированное после июльских событий, с его умеренным социалистическим большинством, решило эти проблемы в интересах солдат и крестьян — т. е., если бы оно вышло из войны и объявило программу земельной реформы, способную удовлетворить крестьян, трудно представить, как большевикам удалось бы взять власть. Большевистский лозунг «Мир, Земля и Хлеб», нашедший широкий отклик, не имел прямого отношения к социализму. Победу большевиков следует, скорее, отнести за счет умелого использования общего народного недовольства, искали борьбы за дело пролетарского социализма. Успеху большевиков способствовал замкнутый элитарный характер их организации, с самого начала предназначавшейся для манипуляции массами; и политическая проницательность их вождя — человека, для которого соображения доктрины не являлись препятствием для захвата власти, если представлялась возможность. Такой авторитет, как Троцкий, утверждает, что без Ленина большевики не сумели бы победить³.

В 1917 году превалировали три основных политических взгляда на перспективы развития России. Первая правящая коалиция, представлявшая консервативные и либеральные взгляды, предусматривала создание либерально-демократической политической системы посредством избранного народом Учредительного собрания. Она также признавала неизбежность социально-экономического реформирования, но, поскольку состояла из представителей помещиков и делового мира, была против таких радикальных мер, как передача земли крестьянам без компенсации^{*} и удовлетворения таких требований рабочих, которые грозили значительно сократить прибыли или просто сделать невыгодными частные предприятия. Внешняя политика Временного правительства проводилась последовательно рядом министров иностранных дел, вышедших из консервативно-либерального лагеря и

^{*} Даже партия кадетов, наиболее передовая секция, выступала за компенсацию. Ее аграрная программа представлена см.: Browder R. P., Kerensky A. (eds.). *The Russian Provisional Government, 1917. Vol. 2. Stanford, Calif.*, 1961. P. 605—608.

сохранявших верность задачам и обязательствам царского режима в войне⁴.

По вопросу о конституции разногласий между умеренными социалистами и консерваторами-либералами почти не было, но их мнения расходились в вопросе о земле и войне. Социалисты, отражая настроения крестьянства, возражали против предоставления компенсации крупным землевладельцам, хотя готовы были оставить этот вопрос для окончательного решения Учредительным собранием⁵. Они выступали за более серьезные уступки промышленным рабочим, чем те, которые предлагали предприниматели, однако стремились сдерживать крайние требования рабочего класса и беспорядки на предприятиях. В отношении продолжения участия страны в войне умеренные социалисты стояли одновременно на центристских и оборонческих позициях. Декларация Петроградского Совета, принятая вскоре после падения царского режима, призывала к скорейшему заключению мира без анексий и контрибуций⁶. Однако они не видели другого выхода, кроме поддержания фронта до заключения мира. Они надеялись, что войну можно будет закончить, если объединить усилия народов воюющих стран для давления на свои правительства; вернувшись в Россию, они стали агитаторами в работе по восстановлению связей, добиваясь созыва международного социалистического конгресса в Стокгольме. Это было сорвано союзническими правительствами и министром иностранных дел России⁷.

По возвращении в Россию в апреле 1917 года Ленин наметил для большевиков политику, резко противоположную политике консерваторов-либералов и умеренных социалистов. В сущности, теперь он принял идею Троцкого о перерастании буржуазной революции в социалистическую, исключая не только длительный промежуточный период буржуазно-демократического правления, но и «диктатуру пролетариата и крестьянства», которую, как переходный к социализму политический режим, он намечал в 1905—1906 годах. В «Апрельских тезисах»⁸ он требовал немедленного окончания войны и немедленного удовлетворения общественно-экономических потребностей крестьян и рабочих. Цели, к которым так страстно стремится русский народ, могут быть достигнуты, утверждал Ленин, лишь путем передачи всей полноты власти Советам. Советы должны заменить Временное правительство и стать, таким образом, единственным источником политической власти. Они ни в коем случае не должны быть заменены парламентским режимом — это было бы шагом назад. Кроме явной привлека-

тельности такой программы, она имела еще то преимущество, что давала простые и прямые решения, игнорируя все трудности и все неприятные последствия, которые могут встретиться на пути реализации предложенной программы действий.

В самый канун Февральской революции Плеханов писал в американской газете, что забастовки и другие формы борьбы рабочего класса в России при существующих условиях были бы преступны⁹. В то же время, он осудил слепоту официальной политики, выразившейся в аресте рабочих — членов Военно-промышленных комитетов — людей, преданно содействовавших участию промышленных рабочих в военной кампании. Он сообщал Геду о своих опасениях о том, что подобный шаг может привести к серьезным неприятностям, и настаивал на необходимости со стороны французского правительства сделать представления по поводу необдуманных действий своей союзницы — России¹⁰. Арест рабочих, членов Военно-промышленных комитетов, послужил поводом для призыва к забастовке протesta 14 февраля, на который через день откликнулось 100 000 рабочих Петрограда¹¹. Без сомнения, это событие стало серьезной прелюдией к целой серии забастовок и демонстраций, свергнувших несколько дней спустя царское правительство.

Весть о падении самодержавия застала Плеханова в санатории в Сан-Ремо. Не поверив известию, принесенному ему соседом-фармацевтом, он бросился искать подтверждения в газетах. Все оказалось правдой; событие, которое он давно предсказывал и реализации которого посвятил всю жизнь, свершилось. Однако пророк революции не мог радоваться тому, что его пророчество исполнилось. Безусловно, он, должно быть, испытал прилив волнения, энтузиазма и гордости, но взгляды его на войну привели к тому, что Плеханов объявил некий мораторий на политическую и классовую борьбу. Он настаивал на том, что левое крыло должно поддерживать «ответственную оппозицию», добивавшуюся перемен легальными и мирными путями. Однако жесткость царского правительства и нежелание «умеренных» применить силу делали почти неизбежными те радикальные меры, которые Плеханов объявил преступными. Когда переворот все же произошел, он изначально считал его неудобным, несвоевременным, чреватым опасностью.

До такой степени он поначалу был далек от взрыва в Петрограде, что не видел причин прервать свое пребывание в Сан-Ремо и работу над «Историей русской общественной мысли»¹². Однако через не-

сколько дней он изменил свое мнение. Невозможно было сосредоточиться на работе, особенно когда стали приходить телеграммы из России, убеждавшие его присхать и занять руководящее место, которого он, в условиях изменившегося строя, несомненно заслуживал. Возможно, он не так уж и оторвался от жизни в России, как ему внушили. Кроме того,— очевидно, рассуждал он,— революция, в конце концов, может не препятствовать победе России в войне. После революции 1789 года французские солдаты совершили чудеса. Новое российское правительство, в отличие от старого созданное из народных сил, может оказаться гораздо энергичнее и действеннее в войне, чем его предшественник. Более того, у Плеханова вскоре создалось впечатление, что революция достигает той высшей цели, которую он наметил в сентябре 1915 года: «Освобождение России от внутреннего врага (старый режим и его защитники), достигнутое в процессе самозащиты от иностранного вторжения». Правда, внутренний враг был изгнан силой, а не мирным давлением, но это — уже игра слов. Главное то, что власть находится в руках «ответственной оппозиции», которую, по убеждению Плеханова, левые партии должны поддерживать. Существовали и доказательства того, что революция прекрасно решила те не преодолимые проблемы, которые поставили перед плехановской революционной системой события 1905 года. Прошлая революция подвергла серьезному сомнению пригодность его тактики, возможность объединения буржуазии с сознательным пролетариатом в борьбе против абсолютизма. Он не желал и слышать о более реалистических методах борьбы после 1905 года, а они предполагали либо отказ от революционных действий, поскольку были не в состоянии принести желаемых результатов, либо подготовку революции с целью установления пролетарского (или, возможно, пролетарско-крестьянского) режима. И вот, в 1917 году почти чудом свершилось нечто подобное тому, что он предвидел: рабочий класс сыграл решающую роль в свержении абсолютизма, и все же власть явно перешла к буржуазии. Плеханов рассматривал Февральскую революцию как долгожданную первую буржуазную революцию в России. После недолгих колебаний он дал ей свое благословение.

Каким бы убедительным ни казалось его суждение, конечно, оно было в корне неверно. Свержение царя было осуществлено пролетариатом с помощью солдат. Правда, умеренные элементы Государственной думы учредили Временное правительство и заняли в нем посты. Но не стоит называть «буржуазной» революцией переворот, в котором

за буржуазней ни в дни революции, ни после нее не стояли массы. Ведь «буржуазное» Временное правительство не имело реальной власти, кроме той, которую просто пока терпели социалистические вожди Советов.

Через восемь дней после свержения царя Плеханов и его жена выехали из Сан-Ремо и начали первый отрезок пути домой. Болезнь Плеханова с годами обострилась, и ехать на север зимой было рискованно. В Англии, откуда он должен был добираться в Россию французским транспортом, Плеханов сильно простудился, и его друг Дейч уговаривал подождать, пока он не поправится. Плеханов отказался, настаивая на том, что ему, как старому солдату революции, когда призовут, необходимо быть на посту, а потому он должен ехать¹³. Без сомнения, он вспоминал о том, что не сумел вернуться в 1905 году; то был поступок, которого Плеханов никогда так себе и не простили. Розалия Марковна понимала всю опасность путешествия, но не могла спорить с мужем. В Лондоне она купила баллон с кислородом, полагая, что он может понадобиться впоследствии, а достать его будет негде¹⁴. Оба чувствовали, что Плеханов, быть может, едет навстречу смерти, но также понимали, что судьба его связана с Россией.

Союзнические правительства содействовали возвращению Плеханова в надежде, что он поможет возобновить участие России в войне¹⁵. Плеханов возвращался в Россию вместе с делегацией западных социалистов, которым была поручена та же миссия. Такие люди, как Марсель Кашен из Франции и Вильям О'Грэди из Англии должны были приветствовать русскую революцию и призвать Россию в семью народов, сражающихся «за справедливость и демократию против империализма и реакции»¹⁶.

Плеханов прибыл в Петроград 31 марта 1917 года. Задолго до прихода поезда на Финляндском вокзале начала собираться огромная толпа. Промышленные предприятия, армейские полки, расквартированные в Петрограде, различные социалистические организации прислали свои делегации. Там были отряды рабочей милиции, духовой оркестр и бесчисленное множество народа. Часть вокзала была отведена для представителей политических партий, Советов и посольств союз-

¹³ К «пораженным», которым союзники не разрешили проезд, больше сочувствия проявляла Германия. Таким образом, Ленин и другие вернулись в Россию через Германию в знаменитых пломбированных вагонах (*Warth R. D. The Allies and the Russian Revolution*, Durham, N. C., 1954, P. 37—43).

ных стран. Когда Плеханов вышел из вагона, его встретило море красных флагов, и толпа разразилась приветственными криками. Под звуки Марсельезы и непрерывные приветствия собравшихся делегации последователей Плеханова — группы «Единство» — провела его в зал ожидания. Там, по поручению Совета, его приветствовал Н. С. Чхеидзе, член Исполнительного Комитета: «Мы надеемся и выражаем желание, чтобы Вы заняли в нашей среде то первенствующее место, которое Вам по праву принадлежит, и еще долго работали над осуществлением идеалов социализма». В Народном Доме, куда Плеханов затем проследовал, его ждали новые теплые приветствия. Он произнес несколько кратких фраз, затем поклонники на плечах отнесли его к автомобилю, который должен был доставить его домой. Машинка с трудом пробиралась через толпы людей, пришедших посмотреть на него¹⁶.

Волнующие мысли проносились в его голове. Вот Петербург — место, где он вступил в революционное движение. Вот площадь у Казанского собора, где сорок лет назад он бросил вызов самодержавию, теперь рассыпавшемуся в прах. Рабочие, так много сделавшие для того, чтобы его свергнуть, были плотью и кровью тех, среди которых давным-давно он проводил свою первую успешную агитационную работу. Тот успех у петербургского пролетариата привел его к марксизму. А теперь и его пророческие слова о том, что политическую свободу в России завоюет либо рабочий класс, либо никто иной, сбылись. Великий город, откуда он бежал, спасаясь от ареста в 1880 году, теперь приветствовал его как героя; а Николай II, гонитель революционеров, сидел под арестом.

Плеханов был глубоко тронут оказанным ему приемом. Бурные приветствия тех, кому он посвятил всю жизнь, были наградой за тридцать семь горьких лет изгнания. После десятков лет политической изоляции сочувствие и преклонение, окружавшие его, были отрадой. Петроград отдавал дань основоположнику русского марксизма, человеку, посвятившему жизнь борьбе против деспотии и эксплуатации. Но массы Петрограда, как и всей России, все еще мало знали о политических группировках в стране, о позиции партий и отдельных руководителей по ключевым вопросам дня. Да и сами эти вопросы еще не были четко определены. Тех, кто понимал плехановскую позицию в вопросе о войне и сопутствовал ей, было мало. Сможет ли он обратить свой огромный личный авторитет на поддержку своей политической программе? Сможет ли уничтожить пропасть между «малосознательны-

ми» массами и своими «сознательными» сторонниками, соотношение которых в стране, как в зеркальном отражении, можно было бы уподобить огромной толпе, встречавшей его на Финляндском вокзале, и крошечной группе «Единство»?

Один краткий миг казалось, что это возможно. Во всяком случае, казалось, что у него достаточно много общего с Советами и он сможет работать с ними, и уже через них приводить руководителей и массы к своему пониманию положения дел. Два центральных тезиса выдвинутой им в 1917 году тактики были: явный буржуазный характер той исторической фазы развития, в которую вступает Россия, и необходимость продолжения войны до победного конца, как безусловной предпосылки прогресса России. По первому вопросу умеренные социалистические лидеры в Советах были с ним согласны. Сдержанность, которую они проявили в отношении «буржуазного» Временного правительства, была данью огромному влиянию плехановского проекта двухступенчатой революции на представления революционной интеллигенции об историческом процессе в России. По этому, жизненно важному для России вопросу, пионер марксизма вряд ли мог быть недоволен первоначальной позицией руководства Советов.

Другое дело, его отношение к войне. Свержение царизма сделало Плеханова еще более рьяным и откровенным приверженцем обороны. Однако в надежде приобрести влияние в Советах, Плеханов несколько поубавил горячность, выступая по вопросу о войне сразу после прибытия в Россию. В обращении к проходившему в те дни в Петрограде Совещанию делегатов советов рабочих и солдатских депутатов¹⁷ он горячо одобрил призыв депутатов «К народам всего мира», принятый несколько дней тому назад: «...надо всемерно бороться как против врага внутреннего, так и врага внешнего». Но Манифест Совета также призывал все народы «взять в свои руки решение вопроса войны и мира». Призывая к «решительной борьбе против захватнических амбиций всех стран», Совет провозглашал решимость «российской демократии» «всеми средствами противостоять политике собственных правящих классов». Совершенно очевидно, что это заявление гораздо больше напоминало позицию Циммервальда, нежели плехановскую, и он ошибался, если считал это чистой риторикой. Возлагая вину за войну на «захватнические амбиции всех стран», Манифест, фактически, отвергал утверждения тех, кто, подобно Плеханову, изображал Россию пострадавшей стороной, ведущей справедливую войну. Вскоре

стало ясно, что Плеханов и руководители Совета расходятся в главном.

Советы, считая правящие классы всех стран ответственными за войну, предлагали мобилизовать силы международного социализма в борьбе за справедливый мир. В глазах Плеханова виновен был германский империализм, и он не видел иного пути к достижению приемлемого мира, кроме подавления врага силой. Но он опасался, что осуждение Советом войны и военной политики «правящих классов» России может разрушить остатки морального духа и боеспособности в войсках. После того как избунтовавшиеся солдаты убедили Петроградский Совет опубликовать Приказ № 1 — декрет, ускоривший крушение дисциплины в армии через уничтожение власти офицеров,— Плеханов выступил с энергичным протестом и призвал к его отмене¹⁵. Сама революция, предостерегал Плеханов, ставится под угрозу Советами, их политикой в отношении армии и войны.

Обращения Плеханова были совершенно безрезультатны, ибо он просил руководство Советов о том, что было политически невозможно. Они не могли безоговорочно поддерживать войну, когда солдаты, составлявшие в них одну из основных сил, требовали ее окончания. Если центристская политика не находила поддержки в народе, то его оборонческая политика, с ее ошибочными предпосылками, вовсе не имела шансов на успех. Плеханов исходил из опыта Французской революции, но упускал из виду то, на что убедительно указал один современный ученый — «в 1792 году война разразилась на третий год революции, а в 1917 — революция разразилась на третий год войны»¹⁶. Русским солдатам надоела война, и они пока еще не получили ощущимой пользы от революции. Мир и раздел земли значили для них больше, чем защита отвлеченного понятия под названием «революция».

В отношении внутренних дел Плеханов также вступил в противоречие с основной частью народных революционных сил. В мае 1917 года он советовал Всероссийскому крестьянскому съезду покончить с

¹⁵ Плеханов с самого начала предостерегал, что Россию постигнут несчастья, если «наша армия придет в расстройство вследствие подрыва дисциплины». Когда в столицу поступили известия об июльском наступлении, он с жаром говорил об этом «дне воскрешения». Плеханов считал отставку энергичного члена партии эсеров, военного министра Савинкова, стремившегося возродить дисциплину в войсках, шагом, который превратит «Правительство Общественного Спасения» в «Правительство Общественной Гибели» (Плеханов Г. В. Год на родине. Т. 1. С. 32, 219; Т. 2. С. 93).

массовыми беспорядками в деревне и оставить решение аграрного вопроса на рассмотрение будущего Учредительного собрания. Верный своему прежнему заявлению, Плеханов сам рекомендовал сохранить частную собственность на землю и осудил резолюцию Съезда в поддержку национализации земли. В качестве великодушного жеста он даже настаивал на компенсации — пусть самой скромной — крупным землевладельцам, чьи земли были экспроприированы, с тем, чтобы спасти их от полного обнищания¹⁹. Его беспрецедентная забота о земельной аристократии, быть может, тоже была отражением влияния этики Канта. Во всяком случае, она была связана с его заботой о национальном единстве; он стоял за сдерживание классовой борьбы перед лицом, как он считал, смертельной опасности для революции.

По вопросу об отношениях между промышленниками и рабочим классом Плеханов придерживался, в основном, той же линии. Он предостерегал рабочих, ради их собственного блага, против предъявления неумеренных требований к предпринимателям: «...разумеется, рабочие должны энергично отстаивать свои интересы... Но и здесь надо оставаться на почве действительности, заботливо избегая опасных утопий. Если наш пролетариат предъявит капиталистам такие требования, исполнение которых сделало бы беспечальным, с капиталистической точки зрения, дальнейшее ведение предприятий, то предприятия будут закрыты, рабочие лишатся заработка, и в стране будет организован голод. И это в такое время, когда она ведет войну с сильным, жадным и беспощадным противником»²⁰. Сначала его увещевания были обращены почти исключительно к рабочим. Ближе к концу 1917 года он часто советовал предпринимателям, ради их блага, делать разумные уступки рабочим. Например, в августе он утверждал: «ЛУЧШИМ СРЕДСТВОМ БОРЬБЫ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ УТОПИЧЕСКИХ [большевистских — С. В.] ЛОЗУНГОВ В СРЕДЕ РУССКОГО ПРОЛЕТАРИАТА ЯВИТСЯ СИСТЕМА ШИРОКИХ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ, ВЫРАБОТАННАЯ ПУТЕМ ВСЕСТОРОННЕ-ОБДУМАННОГО СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИЕЙ И ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ БУРЖУАЗИЕЙ»²¹. Крестьяне и рабочие прислушивались к Плеханову не более, чем солдаты. В течение 1917 года они постоянно сдвигались влево, в то время как его позиция не менялась.

В 1917 году Плеханов делал все возможное для ограничения классовой борьбы, развитию идей которой он отдал всю жизнь. Это на первый взгляд кажущееся странным поведение было неизбежным следст-

вием его отношения к войне. Защита отечества неотделима от спасения России и русской революции, а угрозу Германии можно отразить только объединением всех общественных сил, за исключением тех, что сочувствуют старому режиму. С момента своего возвращения в Россию Плеханов выступал за создание коалиционного правительства — некий шпион засгее [священный союз — фр.] как политическое выражение такого объединения. Он приветствовал его создание в мае²¹, выступал в его защиту до июля, а после июльских событий публично заливывал руки по поводу временного отказа «представителей торгово-промышленного класса» от дальнейшего участия в коалиции²². С тех пор и до захвата власти большевиками Плеханов настойчиво увещевал сограждан придерживаться более умеренной политики, которая позволит создать устойчивую коалицию.

Конечно, плехановский проект развития революции диктовал туже тактику, к которой привели его взгляды на войну. Его революционная программа предполагала наличие длительного периода буржуазной демократии и капиталистического развития хозяйства. Но, как он указывал русским рабочим, не может быть капитализма без капиталистов. Пролетариат не должен предъявлять слишком категоричные требования предпринимателям, настаивал он, иначе ему придется преждевременно взять власть в свои руки, что, как утверждал Энгельс, для рабочего класса будет иметь катастрофические последствия. Вывод напрашивался сам собой: Плеханов, всю жизнь выступавший как борец за дело пролетариата, вынужден был уговаривать пошадить его классового врага — буржуазию — ради собственного блага пролетариата! Как грустно сознавать, что к нему относились слова, однажды написанные им об Ибсене: «Глубочайший трагизм положения Ибсена заключается в том, что этот как нельзя более цельный по своему характеру человек, более всего дороживший последовательностью, был осужден вечно путаться в противоречиях»²³.

Плеханов в 1917 году ратовал за порядок, примирение классов и неуклонное продолжение войны. Вполне понятно, что он считал Ленина и большевиков, проводивших диаметрально противоположную политику, безумными. Он называл «Апрельские тезисы» «бредом», проявлением безрассудной решимости немедленно перейти к социалис-

²¹ Там же. С. 90. Обстоятельства требуют, считал Плеханов, что рабочий класс «должен теперь выдвигать на первый план не то, что его разделяет с этими классами и слоями, а то, что объединяет его с ними» (Там же. С. 34).

тической революции²⁴. В сущности, возражал Плеханов, поскольку капиталистическая фаза развития России только что началась, такая программа несовместима со знаменитым положением Маркса о том, что ни один общественный порядок не исчезает прежде, чем развиваются производительные силы, для которых он создает полные возможности; и новые, более высоко развитые производственные отношения никогда не сменяют прежние, пока в недрах старого общества не создаются материальные условия для их существования.

В 1917 году, только еще более настойчиво, чем в 1905, Плеханов выступал как приверженец ортодоксального марксизма и клеймил Ленина как анархиста, бакуниста, «алхимики революции». Что останется от научного социализма, вопрошал он, если не считаться с историческим процессом, который устанавливает границы общественных действий? Как может лидер большевиков считаться марксистом, если он полностью исключает из своих политических расчетов уровень экономического развития России?²⁵ Ленинская программа казалась Плеханову отрицанием Маркса и возвратом к утопическому социализму прежних времен. Как и народовольцы, Ленин предполагал заменить волей революционеров объективные законы, определяющие ход развития истории. Снова и снова Плеханов напоминал о предостережении Энгельса относительно напастей, которые навлечет на себя рабочий класс, если предпримет попытку преждевременного захвата власти.

Он никак не надеялся разубедить большевиков в 1917 году; он надеялся только помешать распространению их влияния в массах. Он не жалел сил на то, чтобы дискредитировать большевиков в своих сочинениях и речах, и даже пустил в обращение сомнительный слух, ходивший в июльские дни в Петрограде, о том, что Ленин — агент Германии*. Впоследствии Плеханов назвал своего прежнего ученика «демагогом до кончика ногтей»²⁶, но словесных оскорблений ему было мало, в особенности, перед лицом повторства большевиков вооруженным демонстрациям против правительства. Плеханов приветствовал действия Керенского, направленные на ограничение деятельности большевистской партии после июльских событий, а впоследствии под-

* Г. В. Плеханов, как редактор газеты «Единство», отклонил предложение Г. А. Алексинского о публикации документов, порочащих В. И. Ленина, посчитав их недостоверными, а потому и непринемлемыми для печати. Позднее, вопреки мнению редакции, эти инсценировки все же появились в газете «Без лишних слов», редактором которой выступил сам Алексинский.— Прим. ред.

верг резкой критике Временное правительство за недостаточную решимость и энергию в подавлении «анархии». Необходима сильная политика, заявлял он, такая, «ГДЕ ОРУЖИЕ КРИТИКИ УСТУПАЕТ СВОЕ МЕСТО КРИТИКЕ ПОСРЕДСТВОМ ОРУЖИЯ»²⁷.

Плеханов часть своей полемической резкости приберег для центристских политиков и групп, с февраля занимавших господствующее положение в Советах, и таким образом пользовавшихся широчайшим влиянием в массах. По его мнению, их политика, хотя и казалась антиленинской, на практике играла на руку Ленину. Он назвал таких меньшевиков, как Н. С. Чхеидзе и И. Г. Церетели, и эсеров, как В. М. Чернов, «полуленинцами». Он вполне мог считать их и полуслыхановцами, но в этом-то и заключалась беда: если они действительно были против Ленина и его политики, как заявляли, то должны были бы быть последовательными слыхановцами, а не пытаться вырабатывать программу из взаимоисключающих положений. Их старания найти средний путь во многом способствовали разрушению слыхановской позиции в политическом отношении и, в то же время, подрыву собственного авторитета, что и подготовило путь для ленинского броска к власти.

В тактике «полуленинцев» Плеханов видел непрерывную борьбу двух противоречивых настроений, которые он воплотил в фигурах Ивана и Петра: «Иван думает, что наша социал-демократия обязана защищать Россию, подвергнувшуюся нападению со стороны Германии. Петр клеймит его за это названием социал-патриота и, провозглашая себя интернационалистом, объявляет национальную самозащиту делом буржуазии. Иван убежден, что, в интересах скорейшего заключения мира, русская армия должна перейти в наступление. Петр проповедует братание русских войск с немцами. Иван стоит за коалиционное министерство. Петр повторяет, что вхождение социалистов в такое министерство является изменой делу пролетариата. Иван считает, что знаменитый клич „пролетарий всех стран, соединяйтесь“ молчаливо содержит в себе настойчивое приглашение: „рабочие всех стран, немедленно поворачивайтесь спиной к тем из вас, которые станут под знамя капиталистического империализма!“ Петр глубоко возмущается теми, которые, следуя этому приглашению, поворачиваются спиной к Шейдеману и К-о: он видит в этом нарушение международной социалистической солидарности»²⁸. Эти две точки зрения явно

* Впервые он использовал этот термин в мае 1917 года (Плеханов Г. В. Год на родине. Т. 1. С. III).

несовместимы, доказывал Плеханов, и всякая попытка объединить их только приведет к губительным результатам.

Центристы, на словах выступая за необходимость защиты отечества, на самом деле, своей пропагандой идей и резолюций Циммервальда, тем, что возлагали вину за войну равным образом на буржуазию всех воюющих стран, объективно ее срывали. В большинстве своем они поддерживали идею коалиционного правительства, но тут же подвергали его опасности, объявляя свое участие в кабинете способом ведения классовой борьбы. Они с охотой признавали, что Россия не готова к социализму, но их поведение и слова делали дальнейшее существование в России капитализма крайне непрочным. Постоянно третируя «эксплуататорские классы», они подстегивали «анархистские» и «несознательные» элементы населения, которые, в конечном счете, обеспечили победу Ленина²⁹.

Непримиримый противник большевиков и отчужденный от умеренных социалистов, Плеханов быстро потерял престиж и влияние в революционном лагере. Он не принимал активного участия в работе Советов и не только по причине слабого здоровья. Очевидно, ему предложили место в Исполнительном Комитете Петросовета, но он отказался, когда руководители Совета отклонили его просьбу дать еще одно место для представителя его сторонников — группы «Единство»³⁰. Когда стали известны взгляды Плеханова, большинство умеренных социалистов стали относиться к нему с недоверием. Расхождение между ними сделались еще более очевидными во время политических маневров, связанных с майским кризисом. В тот момент, в результате изменений в кабинете, в состав Временного правительства вошла группа умеренных социалистов, поддерживавших резолюции Циммервальда. Плеханов, очевидно, прочли на пост министра труда, но Исполнительный Комитет Петросовета наложил свое вето³¹. Почти то же самое повторилось и во время июльского кризиса³². Плеханов не занимал никаких постов в Петросовете в течение всего 1917 года, а в организованном правительстве одном из комитетов был только председателем комиссии по улучшению условий труда железнодорожников³³. Какое это было несчастье для человека, привыкшего иметь дело с большой политической стратегией и всеобщими историческими законами! Он имел полное право сетовать: «Я здесь на обоине жизни!»³⁴.

Плеханов принял бы министерский пост только при условии рабочей поддержки, но ее он не получил. Руководители Петросовета высту-

пили против, опасаясь, что его авторитет используют против них более консервативные элементы Временного правительства, что его используют как «живой щит против атак слева»³⁵. Их опасения, несомненно, были оправданы. Исполком имел основания полагать, что в качестве министра Плеханов использует свою долгую связь с революционным движением для узаконения той тактики, которую Петросовет считал неприемлемой. В 1905 году большевики называли Плеханова кадетствующим марксистом; в 1917 году их примеру последовали многие меньшевики, называя его просто кадетом³⁶. Действительно, предлагавшаяся им тактика в 1917 году была почти идентична кадетской.

Тем не менее, взгляды Плеханова не дают оснований предположить, что он перешел от социализма к буржуазному либерализму. Десятилетия жизни на Западе пробудили в нем уважение к либеральным политическим ценностям, но не примирили его с буржуазным обществом. То, что его программа практических действий в 1917 году совпала с кадетской, было следствием его схемы двухэтапного развития революции. Кадеты превозносили его, потому что им казалось, что он сочувствует их планам консолидации демократической революции на несоциалистической основе. Его долговременные цели по-прежнему противоречили их целям, но уже не так резко, как прежде. Отношение Плеханова к войне, соединение марксизма с кантинанством и сбалансированный характер тактики до и после Февральской революции предполагали смягчение позиций, которое сам он отказывался признать. Если бы Временному правительству удалось противостоять большевикам и установить стабильный демократический строй, Плеханов скорее всего стал бы ревизионистом.

В 1917 году его газета «Единство», как он откровенно признавался, не была популярна среди тех, кому предназначалась³⁷. Он намеренно избегал прежних товарищей, чьи взгляды теперь, во многих случаях, резко противоречили его собственным³⁸, а ведущие фигуры в Петровском держались подальше от него, чтобы не скомпрометировать себя в массах³⁹. И напротив, его превозносили либеральные и консервативные силы, с которыми он ранее так долго сражался, за националистическую и умеренную политическую программу в 1917 году, за требование восстановить дисциплину в армии и поддержку энергичных мер против проводимой большевиками политики. Генерал Корнилов выразил желание, чтобы Плеханов вошел в состав кабинета того режима, которым он предполагал заменить правительство Ке-

ренского⁴⁰. Для человека, посвятившего жизнь революционному движению, это, наверное, было самым большим упреком. Революционные органы програждали ему путь в правительство. И только силы, против которых он выступал всю жизнь (он также осуждал Корнилова за попытку переворота), готовы были дать ему место у власти.

В августе, незадолго до выступления Корнилова, Плеханов поехал в Москву, чтобы выступить на Государственном Совещании, созванном Керенским. Контраст между его приемом там и волнующей встречей в Петрограде пять месяцев назад еще раз подчеркнул быстроту падения его популярности. В Москве его прибытие прошло незамеченным. Никакой квартиры ему не предоставили, и они с женой безуспешно пытались найти номер в гостинице. Наконец, им пришлось воспользоваться гостеприимством Н. Вольского — радикала, с которым Плеханов скрещивал шаги много лет назад⁴¹. Плеханова уже томило предчувствие грядущей катастрофы. Он был глубоко озабочен и пытался как-то связать происходящие события с историей революционного движения и собственной жизнью. Живя у Вольского, он попросил «Былое и думы» Герцена и нашел то место, где Герцен описывает, как он и его друг Огарев в юности дали клятву отомстить за гибель первых русских революционеров-мучеников — декабристов. Он прочел трогательный пассаж вслух, а затем предложил отправиться на близлежащие Воробьевы Горы — это «священное место в истории русской общественной мысли», где была дана клятва⁴².

Плеханов отправился на Воробьевы Горы с Верой Ивановной Засулич — одним из немногих друзей, с которыми он вновь сошелся в 1917 году, и несколькими другими товарищами. Ему не удалось найти точное место, но он был очарован панорамой города и глубоко тронут ассоциациями, связанными с этим местом. Сильно побледнев, он внезапно схватил Засулич за руку и воскликнул: «Вера Ивановна, 90 лет назад, приблизительно на этом месте Герцен и Огарев принесли свою присягу. Около сорока лет назад, в другом месте — вы помните? — мы с вами тоже присягнули, что благо народа на всю жизнь будет для нас высшим законом. Наша дорога теперь явно идет под гору. Быстро приближается момент, когда мы, вернее кто-то о нас скажет: вот и все. Это, вероятно, наступит раньше, чем мы предполагаем. Пока мы еще дышим, спросим себя, смотря друг другу прямо в глаза: выполнили ли мы нашу присягу? Думаю, мы выполнили ее честно. Неправда ли, Вера Ивановна, честно?»⁴³. Бессспорно, Плеханов выполнил свою клятву. Его тревога скорее была вызвана сознанием того, что он не реализо-

вал себя. Он, чей путь был отмечен глубокой верой в то, что его идеи и действия созвучны историческому процессу, стоял в стороне, беспомощный наблюдатель, в то время как события шли совсем не к тем целям, ради которых он трудился всю жизнь. Его терзала мучительная мысль о том, что вера всей его жизни была напрасна, что мировоззрение всей его жизни каким-то образом обмануло его.

Десять недель спустя большевики захватили власть. Реакция Плеханова выразилась в открытом письме петроградским рабочим, опубликованном в «Единстве»⁴⁴ — резком и проницательном комментарии к октябрьскому перевороту. Он выступал против передачи власти Советам не потому, что он был против рабочего класса, а именно потому, что всецело был предан его интересам. Кто, как не он, напоминал Плеханов, произнес пророчески: «Революционное движение в России восторжествует как движение рабочего класса или совсем не восторжествует». Неужели кто-то действительно может поверить в то, что он, Плеханов, десятки лет, вопреки всему, боровшийся за создание пролетарского движения, перешел на сторону буржуазии, в то время, когда рабочие обрели силу?

В своем проницательном анализе старый боевик доказывал, что побежденный политически, он сохранил ясное понимание социальной динамики. Диктатура пролетариата, убеждал Плеханов, может быть успешной, только если рабочий класс составляет большинство населения. Поддержка крестьянства не возместит слабости рабочего класса в России, ибо крестьянам нужна земля, а не уничтожение капитализма. Поскольку их собственная хозяйственная деятельность носит капиталистический характер, они будут противиться построению социализма, пролетариат окажется в одиночестве и не сможет достичь своих целей. Малочисленность российского рабочего класса не может компенсироваться революцией в Германии; да такой революции и не предвидится. Поэтому преждевременный захват власти будет иметь катастрофические последствия: потеря бесценных завоеваний Февральской революции приведет не к социалистической революции, а к гражданской войне. Продолжение участия России в войне с Германией при внутреннем противостоянии еще более увеличивает вероятность сокрушительного поражения пролетариата и величайших бедствий для страны. Тяжелое положение в России не допускает захвата власти одним классом, а тем более — одной партией; напротив, оно требует коалиции всех сил, выступавших против возрождения старого режима.

Через несколько дней после появления открытого письма «Единство» было запрещено. Два—три номера вышло под другим названием, пока, наконец, революционные власти не заставили замолчать основоположника русского марксизма. Предчувствие, которое Плеханов доверял Засулич о том, что конец наступит ранее, чем они предполагают, после Октября усилилось. Однажды, гуляя по берегам Невы с бельгийским социалистом Брукером, Плеханов указал на Петропавловскую крепость, узниками которой во времена ныне свергнутого царского режима были многие революционеры: «Через три месяца придет мой черед»⁴⁵.

Эта судьба его миновала, но ему пришлось пережить более мелкие унижения. Вскоре после взятия власти большевиками наряд солдат и матросов в Царском Селе, пригороде Петрограда, где жили тогда Плехановы, ворвался без стука в квартиру⁴⁶. Они заявили, что ищут оружие и потребовали хозяина дома. Не слушая объяснений Розалии Марковны о том, что муж ее болен и лежит в постели, они вошли в его комнату и приказали Розалии Марковне открыть сундуки и ящики для обыска. Ничего не найдя, они уже собирались уходить, когда один из матросов вернулся к подозреваемым. Размахивая револьвером перед лицом Плеханова, он кричал: «Выдайте оружие, а то, если найдем его сами, я тут же убью Вас на месте». Большой ответил: «Убить человека не трудно, но оружия вы все-таки не найдете». После новых угроз и грубостей наряд удалился.

Они не узнали Плеханова. И хотя, как впоследствии признался жене, Плеханов думал, что настал его последний час (во время визита он попросил чашку черного кофе, чтобы твердо держаться на ногах, когда его поведут на расстрел), ни он, ни его жена не называли себя, с тем, чтобы не было еще хуже. Много месяцев подряд демагоги называли его предателем и контрреволюционером. Больше Плеханова не беспокоили, так как инцидент получил огласку и Советское правительство издало распоряжение об «Охране личности и собственности гражданина Георгия Валентиновича Плеханова».

Но еще до его появления Розалия Марковна из соображений безопасности перевезла мужа во Французский госпиталь Красного Креста в Петрограде. Она опасалась за его жизнь даже там, ибо вскоре после этого в госпиталь явился отряд солдат и матросов, которые убили двух бывших министров Временного правительства. В январе 1918 года она снова увезла мужа, на этот раз в санаторий в Териоках, в Финляндии, где он провел последние месяцы жизни. Здоровье его пошатнулось, но

Плеханов сохранял живость и ясность мысли почти до конца. И, несмотря на горькое разочарование поворотом событий, он по-прежнему проявлял душевную силу и мужество. За шесть дней до смерти он внезапно проснулся после глубокого сна. Энергично взмахнув рукой, лихорадочно блесня глазами, он громко прошептал: «Пусть не признают моей деятельности, я им задам!»⁴⁷. Через три дня лицо его было так искажено страданиями, что Розалия Марковна не удержалась и расплакалась. Увидев ее слезы, он побранил ее: «Что ты, Роза, как тебе не стыдно! мы с тобою старые революционеры и должны быть тверды...»⁴⁸. «Вот так», — сказал он, подняв руку и скав кулак. Он не боялся смерти и утешал жену: «И потом, что такое смерть? Это слияние с природой». И, повернувшись к окну: «Видишь ту березу, которая нежно склонилась к сосне? Быть может, я когда-нибудь превращусь в такую березу. Что тут плохого?»

Плеханов умер 30 мая 1918 года. Его тело перевезли из Финляндии в Петроград и на несколько дней установили для прощания в здании Вольного Экономического Общества. Толпы людей, немногие из которых пожелали принять его политику в 1917 году, пришли отдать ему дань после смерти. Масса рабочих, несмотря на рекомендацию большевистской партии не участвовать в похоронах Плеханова, шла в траурной колонне, растянувшейся на семь километров, до места его упокоения. Он был похоронен на Волковом кладбище, рядом с его любимым писателем — В. Г. Белинским. На могиле, по его просьбе, начертаны слова из «Адониса» Шелли: «Он слился с природой». Даже могильный камень свидетельствовал о его материалистическом мировоззрении.

Большевистская революция стала последним сокрушительным ударом для Плеханова и его революционной теории, базировавшейся на убежденности в том, что историческое развитие России и Запада в основе своей идентично. Признавая особенности предшествовавшего государственного устройства страны, Плеханов видел в капитализме средство преобразования ее экономической жизни и социальной структуры в соответствии с современными формами, утвердившимися на Западе. Европеизация общественной жизни России, как он твердо полагал, приведет также к европеизации политической системы России. Эта концепция свидетельствует о рационалистическом направлении мысли Плеханова, о его приверженности, почерпнутой из марксистского мировоззрения, к поискам всеобщих моделей в истории человеческих обществ. Стремясь к общности, простоте и надежности, он упу-

скал из виду существенные отличия современной истории тех различных стран, которые составляют «Запад». Например, Франция была ареной классической «буржуазной» революции, а попытка осуществления такой революции в Германии кончилась неудачей. Затушевывая это чрезвычайно важное отличие, Плеханов произвольно выбрал Францию в качестве западной модели исторического развития. И затем, доведя опыт Франции до уровня универсального, наметил для России революцию того же рода и с подобным результатом. В действительности, Россия 1900 года была более похожа на Германию 1848 года, нежели на Францию до 1789. Движение за свержение российского самодержавия еще менее, чем схожая по характеру борьба в Германии, походило на французский образец.

Закладывая основы российского марксизма, Плеханов обвинял народников в неумении правильно оценивать социально-экономическую действительность в России и учитывать тенденции ее развития. Его обвинения, несомненно, были справедливы по ряду ключевых вопросов и, прежде всего, в отношении возникновения в России растущей системы капиталистического производства и ее спутника — класса промышленных рабочих. Однако оншел слишком далеко в своем отрицании положений народников об особенностях развития России и в представлении о том, что капитализм может превратить Россию в подобие «западного» общества. Быть может, его противники неточно определили истинные и существенные отличия традиций и социальной структуры России, тем не менее, эти особенности отличали страну от Запада и, в частности, от Франции кануна 1789 года.

Россия не прошла через длительный этап развития предпринимательства и городов, характерного для западных стран, а потому, в отличие от Франции, не имела многочисленной состоятельной буржуазии — самостоятельной общественной силы, сознающей свое значение и уверенной в своем могуществе и способности управлять страной. Российский средний класс был не только слаб, но и — в отличие от французского — осознание существования агрессивного, требовательного рабочего класса, с которым ему в любой момент предстояло столкнуться, мешало буржуазии решительно бороться за политическую власть. Во Франции буржуазия имела почти неограниченное лидерство в революции; настоящего пролетариата еще почти не существовало, во всяком случае, как самостоятельной политической силы. И, наконец, Россия в начале двадцатого столетия, в отличие от Франции конца восемнадцатого, соединяла в себе сельскохозяйственный уклад

отсталой страны и современное промышленное производство, находившееся на ранней, самой эксплуататорской стадии своего развития. Она могла в одно и то же время реализовать революционный потенциал в высшей степени недовольного своим экономическим положением крестьянства и боевого промышленного пролетариата. Плеханов постоянно недооценивал эти отличия.

Более того, если бы эти отличия не существовали, все равно возможность того, что русская революция пойдет по французскому образцу, была бы невелика. Как указывал Е. Х. Кэрр: «В истории драма не может повторяться, потому что на втором представлении *драматическим персонажам уже известна развязка*»⁴⁹. Вполне вероятно, что русская буржуазия отказалась играть отведенную ей роль хотя бы из опасения, вызванного бурной деятельностью пролетариата западных стран в девятнадцатом веке. Плеханов считал буржуазию неспособной к длительной революционной деятельности, но собственные его инициативы еще более осложнили дело, ибо, стремясь повысить классовую сознательность пролетариата, он снижал готовность буржуазии сражаться за свержение абсолютизма.

Поскольку неподготовленность России к социализму составляла один из пунктов плехановской критики народников, на него долю выпала парадоксальная задача разработать программу социалистического движения в экономически отсталой стране, еще не покончившей с абсолютизмом. Он пытался решить эту проблему, превратив то, что поначалу казалось непреодолимым препятствием, в явное преимущество, т. е. установив связь между социалистической революцией и «буржуазной» революцией, которая должна ей предшествовать. Плеханов предполагал первую революцию сделать предшественницей второй, рассматривая пролетарскую сознательность как соединительное звено. Ее необходимо пробудить как можно скорее, именно в связи с кампанией по уничтожению абсолютизма, и постоянно расширять и углублять до прихода к социализму. Таким образом, социалисты, подготавливая «буржуазную» революцию, в то же время, будут трудиться для достижения своей конечной цели.

Этим объясняется озабоченность Плеханова отношениями пролетариата и буржуазии в борьбе против абсолютизма. На Западе «народ» нанес решающий удар по абсолютизму, а буржуазия присвоила плоды его победы. Чтобы избежать этого в России, Плеханов предлагал серьезное изменение: социалисты, а не буржуазия поднимут рабочих в атаку на абсолютизм и таким образом обеспечат их участие не в каче-

стве «слепых орудий», а как самостоятельной классовой сознательной силы. Под руководством социалистов рабочие будут сражаться бок о бок с буржуазией против абсолютизма, но при этом не будут питать иллюзий относительно того, как сочетаются их долгосрочные интересы с интересами соратников по борьбе. Они станут рассматривать революцию против абсолютизма не как самоцель, а как средство приобретения экономических выгод и политических прав, с помощью которых в дальнейшем смогут успешно достичь своей конечной цели — социализма.

Плеханов не понимал, что это изменение грозит разрушить упорядоченную марксистскую цепь экономически предопределенных этапов истории. В этом, наиболее значительном элементе его системы, его определении классовой сознательности и заключалось неразрешимое противоречие. По Плеханову, сознательный пролетариат должен был понимать: 1) роль класса в обществе; 2) его настоящие интересы и тактику, необходимую для их удовлетворения; 3) пределы деятельности, определяемые исторической стадией и, в особенности, экономическим развитием общества в данный момент. Предполагать, что какая-то массовая группа воспримет и будет использовать такой набор принципов, будет способна к столь полному пониманию социологии и истории,— для этого нужна была уверенность, которую могла дать только вера в историческую неизбежность.

Развитие классовой сознательности пролетариата до уровня понимания антагонизма интересов пролетариата и буржуазии было вполне в пределах досягаемого. Однако события 1905 года показали невозможность объединения классово-сознательного пролетариата и буржуазии в революции на основе прежней западной модели. Буржуазия слишком хорошо выполняла предсказание Плеханова относительно своей неспособности к длительным революционным действиям. С другой стороны, он начал опасаться, что оппозиция рабочего класса буржуазии уже приняла «прочность предрассудка». Это было предчувствием 1917 года, когда очень немногие рабочие видели смысл в том, чтобы уступить власть тем, кого их научили считать классовыми врагами. Уверения Плеханова, что интересы буржуазии и пролетариата в 1917 году совпадают, воспринимали с недоверием те, кто «знал» из его учения непосредственно или от его учеников, что такого совпадения не бывает.

Разрабатывая основы стратегии социал-демократии, Плеханов не понимал, что его предложения об «усовершенствовании» историчес-

кого опыта Запада невозможно реализовать без ряда компенсаторных поправок. Еще до того, как Троцкий сформулировал «закон неравномерного развития», Плеханов предполагал использовать отсталость России на пользу дела социализма, хотя и определенным, ограниченным путем. Он не мог вывести вытекающий из этого положения «закон комбинированного развития», согласно которому вследствие неравномерности развития отсталым странам уготована особая судьба, позволяющая миновать исторические стадии развития. Собственная политическая деятельность Плеханова практически способствовала тому отклонению исторического процесса, о котором он говорил. Бесчисленное множество раз он критиковал Ленина за то, что тот не учитывает «объективные условия» российского общества, однако его собственный волюнтаризм в отношении исторического процесса в России отличался от ленинского лишь степенью радикализма. И не только в этом Плеханов указал путь вождю большевиков. Его реакция на ревизионизм имела огромное значение для ленинского осознания исключительной роли социалистической интеллигенции в революционном движении. Непреодолимая воля к социалистическому преустройству общества в части интеллигенции, осознавший себя как класс пролетариат, непредвиденный и чрезвычайно активный революционный подъем крестьян и солдат, с непревзойденным мастерством использованный большевиками,— это сочетание опрокинуло знаменитую плехановскую схему двухступенчатой революции.

После Октября тем, кто говорил о родственной связи Плеханова и Ленина, Плеханов отвечал, что вождь большевиков, в лучшем случае, его незаконнорожденный сын. Однако в самый последний момент Плеханов, очевидно, осознал связь между своей собственной системой революции и революцией большевиков. По свидетельству Дейча, который провел много времени с умирающим товарищем, Плеханов постоянно задавал ему «глубоко мучивший его» вопрос: «Не слишком ли рано мы в отсталой, полуазиатской России начали пропаганду марксизма?»⁵⁰ В конце концов, он, видимо, понял собственную роль в том, что произошло, учитывая свое подчеркивание жизненно важной связи между буржуазной и социалистической революциями в России. Его терзала мысль, что создание марксистского движения в отсталой стране действительно было ошибкой; и брак такого рода неизбежно привел к последствиям, которых он не ожидал.

В свете событий 1917 года Плеханов осознал, что значительно переоценил степень европеизации России. Это видно из вопроса, за-

данного Дейчу. И еще до захвата власти большевиками он говорил Вольскому, что все европейское в России можно сравнить только с «пятнами на слоне»⁵¹. Успех ленинской «демагогии» он относил исключительно за счет недостаточной сознательности пролетариата, другими словами, недостаточной степени европеизации. Окончательное суждение относительно большевистской революции дает представление о его последних мыслях на эту тему: «Революция, переживаемая нами, не есть революция в европейском смысле этого слова, а кровавый эпилог реформы 1861 года. Солдат — это крестьяне, который пошел в революцию только для того, чтобы получить поместичью землю, а до остальных завоеваний революции ему дела нет. Он истребляет и идет на буржуев, так как, по его понятиям, это те же помещики. Ленин, Троцкий и другие, двадцать лет шедшие с марксистами, в сущности, сделались народниками после Февральской революции. Они действуют по программе Л. Тихомирова и следуют совету Бакунина, который находил, что революционеры должны опереться не на организованных рабочих, зараженных государственностью, а на мало-сознательные массы, преступный элемент и т. д.». Горько разочарованный, Плеханов считал, что рабочие жестоко ошибаются, вообразив, будто совершают прорыв в золотой век. Но, когда вскоре после большевистского переворота ему предложили министерский пост в контрреволюционной коалиции, он ответил без обиняков: «Я отдал сорок лет пролетариату и не стану расстреливать его, когда он идет по неверному пути, и вам не советую»⁵².

Суждения Плеханова в немалой степени подтвердили послереволюционные события. При всех своих заблуждениях, он знал, какие условия необходимы для создания стабильного, гуманного и демократического социалистического строя, пропаганде которого он посвятил

⁵¹ То, что Плеханов до конца продолжал мыслить категориями Французской революции, можно видеть из письма Р. М. Плехановой, написанной под его влиянием 24 ноября 1917 г.: «Мы страдаем не от террора монтаньяров, нет! Это те, против кого боролася Робеспьер, захватили власть! Это гебертисты, базунисты, анархисты. Конвент хотел видеть Францию единой, сильной и неделимой, в то время как наш нынешний режим позволяет разрывать великую Россию на части. Конвент не вступал в отношения с врагом, поднявшим французскую землю. Нынешние власти позволяют Германии напасть ярмо на шею русского народа и готова отдать Германии все, что она пожелает, уверяя бедный русский народ, что это и есть интернационализм» (Заря. 1924, № 5/6. С. 144. [Данная библиогр. ссылка неточна, источник не найден.— Прим. ред.]).

свою жизнь. То, что эти условия отсутствуют в России, слишком хорошо показали последствия большевистской революции. Предостережения, высказанные в «Открытом письме петроградским рабочим» и нескольких написанных после этого статьях содержат указания относительно дальнейшего возможного развития событий в России.

Как он и предсказывал, революции в Германии не произошло, и Россия осталась в одиночестве. Если бы союзники не победили, навязанный Германией Брест-Литовский договор имел бы пагубные последствия. Едва был подписан этот договор, как разразилась гражданская война, бушевавшая в стране три года и приведшая ее в состояние, близкое к варварству. Когда война закончилась, Россия оказалась под гнетом диктатуры меньшинства, как и предсказывал Плеханов, имея в виду приход к власти большевиков. Также в соответствии с его предсказаниями, пролетариев, или скорее те, которые утверждали, что представляют рабочий класс, оказались не в состоянии изменить господствовавшие общественные и экономические модели российской действительности, и в 1921 году Новая экономическая политика восстановила свободное предпринимательство для крестьян и мелких производителей. Что касается Ленина и Троцкого, они практически признали свою ошибку, выразившуюся в насилии над ходом истории. Признав справедливость предостережений Плеханова, оба без устали поносили «крестьянское варварство» России, постоянно тормозившее движение к социалистическому обществу, которое должно было стать самым разумным, свободным и процветающим обществом в истории человечества.

Когда в конце двадцатых годов был принят Первый пятилетний план, подавлено сопротивление крестьянства и началась интеграция советского общества на тоталитарной основе, ход событий вновь доказал верность предвидений Плеханова. Разве это не было примером того, как понимавшая наличие расхождений между целями народа и собственными социалистическими задачами, но победившая революционная клика упорно цепляется за власть? Когда подобное происходит, писал Плеханов в 1885 году, революционное правительство может попытаться организовать производство в стране на социалистических принципах при отсутствии как объективных условий социализации, так и согласия народа. В таком случае «оно должно будет искать спасения в идеалах „патриархального и авторитарного коммунизма“, внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что, вместо перувианских „сынов солица“ и их чиновников, национальным производством будет

заведывать социалистическая каста». Разве сталинский режим не был «авторитарным коммунизмом»? Разве он не стремился поставить население в полную зависимость посредством государственного контроля над средствами производства?

Что касается характера развития партии под руководством И. В. Сталина, разве можно найти для него лучшее описание, чем данная Плехановым еще в 1904 году критика возможной реализации последствий организационных планов Ленина? «Вообразите, что за Центральным Комитетом всеми нами признано пока еще спорное право „раскассирования“. Тогда происходит вот что. Ввиду приближения съезда, ЦК всюду „раскассирует“ все недовольные им элементы, всюду сажает своих креатур и, наполнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечивает себе вполне покорное большинство на съезде. Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему: „ура!“, одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас, действительно, не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществляется идеал персидского шаха». Стремясь к созданию в массах самой высокой политической сознательности и чуткости, Плеханов в 1885 году написал строки, которые можно было бы прочитать как обвинительный акт современному советскому обществу: «И если бы даже изшло такое правительство, которое захотело бы и могло бы,— не давая вам политических прав, обеспечить ваше материальное положение, то вы все-таки были бы не более, как СЫГЫМИ РАБАМИ, ХОРОШО ОТКОРМЛЕННЫМ РАБОЧИМ СКОТОМ»⁵³.

Поражение Плеханова означало и поражение того ортодоксального марксистского мировоззрения, которого он придерживался всю жизнь. Провал его страстных кампаний против двух основных уклонов — ревизионизма и большевизма — следует отнести за счет не только их неадекватности, но и неадекватности марксистского учения в применении к меняющимся обществам Европы в начале двадцатого века. Реформизм разрушил планы социалистической революции на Западе. Собственная политическая карьера Плеханова лучше всего продемонстрировала неприменимость формул ортодоксального марксизма к таким отсталым странам, как Россия. Его попытка пройти между Сицилией и Харибдой большевизма закончилась катастрофой.

Плеханов был противником утопизма в социалистическом движении, но его собственные устремления оказались утопическими. Однажды он назвал философию «наукой наук», но сам он занял такие фи-

лософские позиции, которые оказались ложными. Невозможно было сохранить необходимое для реализации его представлений равновесие между детерминизмом и волей, эволюцией и революцией. И на Западе, и в России ход событий опроверг твердую веру Плеханова в историю как объективный процесс, подчиняющийся законам познаваемости мира и не зависящий от человеческой воли. Однако при всей двойственности, характерной для истории человечества, Плеханов оказался в некотором роде прав. На Западе реформизм изменил капитализм, но не добился тех социалистических преобразований, о которых говорили его поборники. А в России предостережения Плеханова относительно преждевременного захвата власти впоследствии настигли «нарушителей закона», которые торжествовали победу над ним в 1917.